

*Тем, кто выжил.
Дышите. Вот так.
Еще раз. Хорошо. Молодцы.
Даже если нет, то вы живы.
Это победа.*

Имена, персонажи, места и события являются авторским вымыслом. Любое сходство с действительными событиями, местными особенностями, личностями, живыми или мертвыми, случайны.

ПРОЛОГ

Я, когда я был я

ВРЕМЯ ИСТЕКАЕТ, ЛЮБОВЬ МОЯ. Давай закончим с началом мира, хорошо? Да. Хорошо. Однако это странно. Мои воспоминания похожи на застывших в янтаре насекомых.

Они редко целостны, эти застывшие, давно забытые жизни. Обычно от них остается лапка, чешуйка с крыла, обломок грудной клетки — целое можно представить лишь по фрагментам, и все сливается, размывая рваные грязные трещины. Когда прищуриваюсь и вглядываюсь в прошлое, я вижу лица и события, которые должны что-то значить для меня, и значат, но... нет. Свидетелем этих событий в первую очередь был я сам — и все же нет.

В этих событиях я кто-то иной, точно так же, как Спокойствие было чем-то иным. Тогда — и сейчас. Ты — и ты.

Тогда. Тогда эта земля была *тремя* — хотя они находятся буквально в том же положении, как в тот момент, когда их назовут Спокойствием. Повторяющиеся Зимы в конце концов создадут больше льда на полярных шапках, опустив уровень моря и сделав вашу «Арктику» и «Антарктику» больше и холоднее. Однако тогда...

теперь, это ощущается как теперь, когда я вспоминаю себя тогда, именно это я имею в виду, когда говорю, что это странно...

Теперь, в то время до Спокойствия, крайний север и юг представляют собой приличные сельскохозяйственные земли. То, что вы называете Западным Побережьем, по большей части заболоченные земли и дождевой лес. Он погибнет в следующем тысячелетии. Части Северного Срединья еще не существует, ее создаст излияние лавы в течение тысячи лет извержений. Земля, которая станет Палелой, твоим родным городом? Ее не существует. С учетом всего — не такое большое изменение, но ведь до *сейчас*, в тектоническом масштабе, вообще ни мгновения не прошло. Когда мы говорим «этот мир закончился», помни — это как правило ложь. С планетой-то все в порядке.

Так что мы называем погибшим миром в это *сейчас*, если не Спокойствие?

Позволь мне, прежде всего, рассказать тебе об одном городе.

По вашим меркам он построен неправильно. Он *простирается* так, как ни одна современная община себе не позволит, поскольку для этого потребуются многомильные стены. И самые внешние пределы города тянутся вдоль рек и прочих жизненно важных коммуникаций, порождая дополнительные города, — так расплзается плесень по богатой питательной среде. Слишком близко друг к другу, скажешь ты. Слишком перекрывающиеся территории. Эти раскидистые города и их змеящиеся отпрыски не способны выжить каждый по себе, будучи отрезанными друг от друга. Иногда у них есть конкретные местные названия, у этих городов-отпрысков, особенно когда они достаточно велики или стары, чтобы самим породить города-детей, но это поверхностное впечатление. Твое предположение об их связанности верно: у них одна инфраструктура, одна культура, те же стремления и страхи. Каждый город похож на остальные города. Все эти города, по сути дела, один большой город. Этот мир в тогдaшнем «сейчас» носит имя Сил Анагист.

Ты можешь себе представить, какая *нация* на это способна, дитя Спокойствия? Вся Старая Санзе, если собирать ее воедино из осколков сотен «цивилизаций», которые жили и умерли между сейчас и тогда, не идет в сравнение. Она — лишь сборище параноидальных городов-государств и коммун, согласившихся порой делиться ресурсами ради выживания. Да, Зимы сведут этот мир к таким жалким стремлениям.

Здесь, *сейчас*, стремлениям предела нет. Народ Сил Анагиста овладел силами материи и ее составляющих; они лепят саму жизнь согласно их капризам; они так глубоко исследовали тайны неба, что устали от него и снова вернулись к земле у себя под ногами. И Сил Анагист живет, о, как живет, на людных улицах и в бесконечной торговле и строительстве, которые твой разум с трудом осознал бы как таковые. У зданий стены из узорчатой целлюлозы, которую едва видно под листвой, мхом, травой и гроздьями плодов или клубней. На некоторых крышах развеваются флаги, которые на самом деле огромные, развернутые цветущие лишайники. Улицы кишат вещами, которые тебе трудно было бы признать транспортом, разве только в том, что в них путешествуют и они осуществляют доставку. Некоторые передвигаются на ножках, как массивные членистоногие. Некоторые всего лишь открытые платформы, которые скользят на подушках резонансного потенциала, — а, но тебе этого не понять. Скажу лишь, что эти средства передвижения парят в нескольких дюймах над поверхностью. Их не тянут животные. Их не движет пар или химическое топливо.

Если перед ними порой пробегают дети или домашние питомцы, они на миг перестают существовать, затем возникают по другую сторону, не снижая скорости и не теряя самосознания. Никто не считает это смертью.

Но есть то, что ты узнала бы. Он возвышается над городом, вырастая из его сердца. Это самый высокий, са-

мый яркий предмет на много миль в округе, и все рельсы и дороги так или иначе сходятся к нему. Это твой старый друг, аметистовый обелиск. Он не летает — пока нет. Он стоит, не совсем пассивно, в своем гнезде. То и дело он пульсирует — тебе это знакомо по Аллии. Это более здоровый импульс, чем тогда. Этот аметист — не поврежденный, умирающий гранат. Все же, если сходство заставляет тебя содрогнуться, не скажу, что это нездоровая реакция.

По всем этим трем землям, во всех достаточно больших узах Сил Анагиста стоит по обелиску. Они усеивают лицо мира, две сотни и пятьдесят шесть пауков в двух сотнях и пятидесяти шести паутинах, кормящие каждый город и кормимые в ответ. Паутины жизни, если хочешь так о них думать. Понимаешь ли, жизнь в Сил Анагисте священна.

Теперь представь вокруг основания аметиста шестиугольный комплекс зданий. Что бы ты ни представила, это не будет похоже на реальность, но просто представь что-то красивое, и сойдет. Посмотри пристальнее на одно вон там, у юго-западного края обелиска, — вон тот, на отлогом холмике. На хрустальных окнах здания нет решеток, но представь переплетение чуть более темного материала на прозрачном.

Нематоцисты¹, популярный метод защиты окон от нежелательного контакта — хотя они существуют лишь на внешней поверхности окон, не позволяющий нежелательному вторгнуться внутрь. Они жалят, но не убива-

¹ Стрекательная клетка, присущая как полипоидным, так и медузоидным поколениям в жизненном цикле книдарий (стрекающих). Книдоциты используются книдариями для охоты на добычу и защиты от врагов. Каждый книдоцит содержит специфическую внутриклеточную органеллу, называемую «книдоцист» (или «нематоцист»), которая, собственно, и обеспечивает поражение врага или пищевого объекта.

ют. (Жизнь в Сил Анагисте священна.) Внутри у дверей нет охраны. Охранники в любом случае не эффективны. Эпицентр — не первая организация, познавшая вечную истину человечества: стража не нужна, если убедить людей сотрудничать в их собственном самозаточении.

Это камера в миленькой тюрьме.

Я знаю, она не похожа на камеру. Там есть прекрасный предмет мебели, который ты назвала бы диваном, хотя у него нет спинки и он состоит из нескольких частей, организованных группами. Остальная мебель обычна, ты ее узнала бы — каждому обществу нужны столы и кресла. Сквозь окно виден сад на крыше одного из других зданий. В это время дня сад освещает падающий сквозь кристалл косо солнечный свет, и цветы, растущие в саду, были выращены и высажены именно с учетом этого эффекта. Пурпурный свет окрашивает дорожки и клумбы, и кажется, что цветы слабо светятся, реагируя на свет. Некоторые из этих крохотных белых цветов-огоньков то и дело подмигивают, отчего вся клумба сверкает, как звездное небо.

Мальчик смотрит в окно на мигающие цветы.

На самом деле это юноша. На первый взгляд зрелый, без возраста. Не столько коренастый, сколько *крепкий* по сложению. У него широкое толстощековое лицо и маленький рот. Он весь белый — бесцветная кожа, бесцветные волосы, льдистые глаза, элегантно задрапированные одежды. В комнате все белое — мебель, коврики и пол под ними. Стены сделаны из отбеленной целлюлозы, и на них ничего не растет. В этом стерильном месте в отраженном пурпурном внешнем свете только этот мальчик конкретно живой.

Да, этот мальчик я. Я не то чтобы помню его имя, но помню, что в нем было слишком много ржавых букв. Так что давай будем называть его Хоува — тоже на звук, просто подбито всякими молчаливыми буквами и тайными

смыслами. Оно достаточно близкое и вполне *символизирует...*

О! Я слишком, неподобающе зол. Интересно. Ладно, перейдем к чему-то менее напряжному. Вернемся к тому сейчас, которое будет, и совсем иному здесь.

«Сейчас» — это «сейчас» Спокойствия, по которому до сих пор расходятся эхом волны Разлома. «Здесь» — не совсем «здесь» Спокойствия, а пещера непосредственно над главной лавовой камерой обширного древнего щитового вулкана. В сердце вулкана, если ты предпочитаешь язык метафор. Если нет — то это глубокая, темная, едва стабильная полость в скальной породе, которая не слишком остыла за те тысячелетия с тех пор, как Отец-Земля впервые оторыгнул ее. Внутри этой пещеры стою я, частично сплавившись с куском скалы, чтобы лучше видеть малейшие возмущения или крупные деформации, предвещающие обрушение. Мне не нужно этого делать. Здесь присутствует несколько процессов кроме того, который запустил я. И все же я понимаю, каково быть одному, когда ты растерян, испуган и не уверен в том, что случится дальше.

Ты не одна. И никогда не будешь одна, если не выберешь иного. Я знаю, что это значит здесь, в конце мира.

Ах, любовь моя. Апокалипсис — вещь относительная, не так ли? Когда земля раскалывается, это угроза жизни, которая от нее зависит, — но нормально для Отца-Земли. Когда человек умирает, это ужасно для девочки, которая некогда звала его отцом, но это становится ничем, когда ее называли *чудовищем* столько раз, что она в конце концов привыкла к этому клейму. Когда раб восстает, это ничего не значит для тех, кто читает об этом потом. Просто тонкие слова на еще более тонкой бумаге, еще более истонченной трением истории. («Ну были вы рабами, и что?») — шепчут они. Словно это ничего не значит.) Но для людей, переживших восстание рабов, — и тех, кто считал свою власть данностью, пока это не кончилось

для них тьмой, и тех, кто готов сжечь мир, чем хоть еще мгновение быть «на своем месте», это не метафора, Ис-сун. Не гипербола. Я действительно видел, как мир горит. Не говори мне о невинных свидетелях, незаслуженных страданиях, безжалостной мести. Когда община построена на зоне разлома, ты будешь винить стены, когда они неминуемо рухнут, погребая под собой людей? Нет, ты винишь того идиота, который решил, что может отрицать законы природы. Да, некоторые миры построены на зоне страданий, поддерживаемые кошмаром. Не оплакивай падение этих миров. А гневайся на то, что они были обречены с самого начала.

Так что теперь я расскажу тебе, как кончился этот мир, Сил Анагист. Я расскажу тебе о том, как я покончил с ним, или хотя бы с большей частью его, чтобы начать восстанавливать себя из обломков.

Я расскажу тебе, как я открыл Врата, как отбросил прочь Луну и улыбался при этом.

И я расскажу тебе, не скрывая, о том, как позже, в тишине смерти, я прошептал:

Сейчас.

Сейчас.

И Отец-Земля прошептал в ответ:

Гори.

Ты, наяву и во сне

ЧТО ЖЕ. ДАВАЙ ПОВТОРИМ ПРОЙДЕННОЕ.

Ты Иссуна, единственная из выживших орогенов во всем мире, кто открыл Врата Обелиска. Никто не ждал для тебя такой великой судьбы. Ты была одной из орогенов Эпицентра, но не восходящей звездой вроде Алебастра. Ты была дичком, найденным в захолустье, уникальная лишь тем, что у тебя больше прирожденных способностей, чем у среднего роуги, рожденного случайно. Хотя начала ты хорошо, ты рано вышла на плато — по непонятной причине. Тебе просто не доставало стимула к поиску нового или стремления к превосходству — или так жаловались старшие за закрытыми дверями. Слишком рано для того, чтобы удовлетворить систему Эпицентра. Она ограничивала тебя. Это хорошо, поскольку иначе тебя никогда не спустили бы с поводка так, как они это сделали, отправив тебя на задание вместе с Алебастром. *Это он* в ржавь пугал их. Ты же... они считали тебя безопасной, сломленной как подобает и обученной повиноваться, так что вряд ли ты случайно сметешь город. Им же хуже — сколько городов ты уже уничтожила? Один наполовину непреднамеренно. Остальные три случайно, но разве это имеет значение? Для мертвых — нет.

Иногда ты мечтаешь вернуть все это, как если бы ничего не было. Не тянуться судорожно к гранатовому обелиску в Аллии, а вместо этого смотреть, как счастливые черные детишки резвятся в прибое на черном песчаном пляже, а ты истекаешь кровью на ноже Стража. Не быть перенесенной Сурьмой на Миов — вместо этого вернуться в Эпицентр и родить Корунда. Ты бы потеряла его после родов, и никогда у тебя не было бы Иннона, но оба они, возможно, были бы все еще живы. (Ну да. Какова ценность этой «жизни», если бы Кору сунули в узел.) Но тогда ты никогда не жила бы в Тиримо, не родила бы Уке, чтобы тот погиб от кулаков отца, никогда не воспитывала бы Нэссун, чтобы ее потом похитил отец, никогда не убила бы своих соседей при их попытке убить тебя. Сколько жизней были бы спасены, если бы ты осталась в своей клетке.

Или умерла по требованию.

Здесь и сейчас, давно свободная от организованных, уравновешенных структур Эпицентра, ты стала могущественной. Ты спасла общину Кастримы ценой самой Кастримы — невелика цена по сравнению с той кровавой платой, которую взяла бы вражеская армия, если бы победила.

Ты достигла этой победы, выпустив концентрированную мощь загадочного механизма, старше вашей (письменной) истории — и потому, что ты та, кто ты есть, в процессе обучения владению этой мощью ты убила Алебастра Десятиколечника. Ты не хотела этого. Ты вообще подозреваешь, что он хотел, чтобы ты это сделала. Как бы то ни было, он мертв, и эта цепочка событий сделала тебя самым могущественным орогеном планеты.

Это также означает, что срок твоего могущества подходит к концу, поскольку с тобой происходит то же самое, что случилось с Алебастром: ты превращаешься в камень. Пока лишь твоя правая рука. Могло быть и хуже. *И будет,*